



ТР Фэннэр академиясенен Ш.Мәржани исемендәге Тарих институты
Институт истории им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан
Sh.Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

КРЯШЕНСКОЕ историческое обозрение

KRYASHEN
Historical
Review

1' 2016



Научный журнал «КРИШЕНСКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ».
2016. №1. 223 с.

Учредитель

ГБУ «Институт истории имени Шигабутдина Марджани
Академии наук Республики Татарстан»
Центр изучения истории и культуры татар-крышен и нагайбаков

Главный редактор

Р.Р. Ишakov, к.и.н., руководитель Центра изучения истории
и культуры татар-крышен и нагайбаков Института истории
им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Адрес редакции

420014, г. Казань, Кремль, подъезд 5
Тел./факс (843) 292 84 82 (приемная)
E-mail: ishakovist@gmail.com

Academic Journal «KRYASHEN HISTORICAL REVIEW».
2016. №1. 223 c.

Founder

State Budgetary Institution «Shigabudin Marjani Institute of History
of Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan»
Center for the Study of History and Culture Tatar-Kryashens and Nagaibaks

Editor in chief

R.R. Iskhakov, Cand. Sci. (History), Head of the Center for the Study of History
and Culture Tatar-Kryashens and Nagaibaks, Sh. Marjani Institute of History of
Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Russian Federation)

Editorial Office Address

420014, Kazan, Kremli, entrance 5
Tel./Fax (843) 292 84 82 (reception)
E-mail: ishakovist@gmail.com

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).
The journal is included in the Russian Science Citation Index Database.
http://elibrary.ru/title_about.asp?id=57582

© ГБУ «Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ», 2016
© Центр изучения истории и культуры татар-крышен и нагайбаков, 2016
© «Крышенское историческое обозрение», 2016

Редакционная коллегия:

Р.С. Хакимов, д.и.н., директор Института истории им. Ш. Марджани
АН РТ, вице-президент АН РТ, академик АН РТ, председатель редак-
ционной коллегии (Казань, Российская Федерация)

Пол Верт, Ph.D. (история), профессор, декан исторического факультета
Невадского университета (UNLV) (Лас Вегас, США)

Р.Р. Салихов, д.и.н., заместитель директора по научной работе Инсти-
тута истории им. Ш. Марджани АН РТ, член-корреспондент АН РТ (Ка-
зань, Российская Федерация)

Дурмуш Арык, Ph.D. (история), профессор Университета Анкары (Ан-
кара, Турция)

Ф.С. Базыгова, д.филол.н., главный научный сотрудник Института
языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ, редактор ста-
тей по филологическим наукам (Казань, Российская Федерация)

Аннес Кафели, Ph.D. (история), доцент Аризонского университета
(Темпе, Аризона, США)

Н.Ю. Альмеева, кандидат искусствоведения, старший научный сотруд-
ник сектора фольклора Российского института истории искусства, ре-
дактор статей по искусствоведению (Санкт-Петербург, Российская Фе-
дерация)

Акира Сакурама, Ph.D. (история), научный сотрудник Японского об-
щества содействия продвижения науки (Токио, Япония)

В.П. Козлов, к.и.н., доцент, директор Национального архива Републи-
ки Татарстан (Казань, Российская Федерация)

Г.М. Макаров, кандидат искусствоведения, старший научный сотруд-
ник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская
Федерация)

Т.Г. Дунаева, к.гел.н., профессор (Казань, Российская Федерация)

Ответственный секретарь, редактор английских текстов

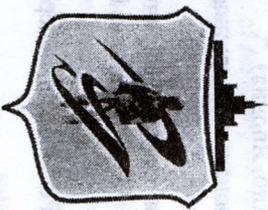
Р.Р. Аминнов, научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани
АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Спецвыпуск. Материалы Всероссийской научной конференции «История и культура нагайбаков», посвященной 280-летию определения нагайбаков в казачье сословие. 24–26 сентября 2016 г. Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск.

В спецвыпуске журнала «Крипенское историческое обозрение» представлены материалы Всероссийской научной конференции «История и культура нагайбаков», посвященной 280-летию определения нагайбаков в казачье сословие (24–26 сентября 2016 г., Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск). Статьи посвящены различным аспектам истории и культуры нагайбаков Южного Урала. Особое внимание уделено анализу этнокультурных особенностей крапшен-казачков, а также их самобытной традиционной культуре.

Расчитан на ученых – историков, этнологов, культурологов, искусствоведов, а также всех, кто интересуется историко-культурным наследием нагайбаков Челябинской области.

Конференция проведена ФГАОВ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)» (г. Челябинск), ГБУ «Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ» (г. Казань), при участии Фонда содействия сохранению культурного наследия «Общественный фонд «Ожывый Урал» и Челябинского регионального отделения Российского военно-исторического общества.



ИНСТИТУТ ИСТОРИИ
им. Ш.Марджани АН РТ



РОССИЙСКОЕ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

Всероссийская научная конференция
«ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА НАГАЙБАКОВ»,
посвященная 280-летию
определения нагайбаков в казачье сословие

24-26
сентября
2016 года

сентября
2016 года

454001, г. Челябинск, пр-т Ленина, 76,
Южно-Уральский государственный университет

СОДЕРЖАНИЕ

Самигулов Г.Х. Предисловие	8
П У Б Л И К А Ц И И	
Исторические науки	
Аминов Р.Р. Отпадение в ислам и религиозное состояние нагайбаков в конце XIX – начале XX вв.	9
Атнагулов И.Р. Основания идентичности нагайбаков по материалам экспедиций 2014–2015 гг.	16
Белорусова С.Ю. Ушедшие в ислам: этноистория южной группы нагайбаков	45
Исхаков Р.Р. Дохристианские элементы в традиционной культуре нагайбаков (XIX – начало XX в.)	59
Кучевасова С.Н. Поминальная обрядность в традиционной культуре нагайбаков (по материалам экспедиций 2009–2012 гг.)	74
Мальцева О.Ю. Праздничная культура нагайбаков	81
Медведев В.В. Чуваши и нагайбаки: традиционные представления о доме	89
Мухаммадеева Л.А. Социокультурное развитие крипенского населения РСФСР в 1917–1930-х гг. (на примере нагайбаков Южного Урала)	101
Новикова О.В. Традиционная одежда нагайбаков в музейных собраниях Челябинской области: к вопросу о формировании локальных вариантов традиции	108
Рыбалко А.А. Традиционная архитектура нагайбаков (вторая половина XIX – середина XX в.)	130
Самигулов Г.Х. Переломные моменты истории нагайбаков: наброски к описанию исторического контекста	145
Тептеев А.Г. К истории образования Нагайбацкой крепости	166
Халиков Н.А. Традиционная культура нагайбаков: истоки и этапы	179

Филологические науки

Баязитова Ф.С. Этнолингвистические исследования по нагайбацкому говору татарского языка (обряд и текст)	187
Искусствоведение	
Альмеева Н.Ю. Песенный фольклор нагайбаков Южного Урала и народов Среднего Поволжья: родство ритмических структур	202
Шкляева Л.М. Особенности народного декоративно-прикладного искусства нагайбаков Челябинской области (по результатам экспедиции 2016 г.)	209
Ткаченко А.А., Черных Д.Г. Формообразование на основе стилизации этнокультурных мотивов в айдентике научной конференции	215
Список сокращений	220
Перечень требований к публикации научных статей	221

ОСНОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ НАГАЙБАКОВ ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕДИЦИЙ 2014–2015 ГГ.

Атнагулов И.Р.

*Магнитогорский государственный технический
университет им. Г.И. Носова*

Значительные изменения, произошедшие в материальном производстве за последнее столетие, привели к нивелированию многих форм материальной и духовной культуры народов мира, и России в частности. Развитие и дальнейшая эволюция этнических идентичностей требуют объяснения существования данного феномена в изменившейся культурной среде. В статье рассматривается комплекс этноидентификационных черт нагайбаков, выработанных ими за примерно последние полтора столетия. Особенности этносоциальной среды вокруг нагайбаков еще и в том, что наиболее многочисленными этническими группами рядом с ними являются казахи (тюрки, мусульмане) – и русские (славяне, христиане), каждая из которых по-своему оказала влияние на формирование этнической идентичности нагайбаков.

Ключевые слова: этнология, идентичности, нагайбаки, этнонимы, культурные стратегии и приоритеты.

Сюжет формирования и исторического развития нагайбацких идентичностей (конфессиональной, сословной, этнокультурной) описан в наших предыдущих публикациях [1–4], где представлен обширный в хронологическом измерении материал, верхние границы которого охватывают первое десятилетие XXI в. В данной статье предлагается мониторинг идентичности нагайбаков составленный по результатам полевых экспедиционных исследований 2014–2015 гг. в с. Фершампенуаз, Париж, Остроленка и Кассель. Решение главного вопроса исследования – определение структуры идентичностей и уровней самоидентификации нагайбаков проводилось посредством изучения современных социокультурных практик населения.

В российской, в том числе бывшей советской, этнографической науке еще с XIX в. сложилась традиция разделения культуры на материальную (ныне все чаще называемую «материализованной») и духовную. Это было не всегда оправдано и создавало некоторые сложности при структурировании, составлении классификационных

Атнагулов И.Р. Основания идентичности нагайбаков
по материалам экспедиций 2014–2015 гг.

схем и т.п. Однако для этнографов, занимающихся исследованием таких аспектов традиционной культуры как жилище, одежда, пища, религия и верования, обрядово-праздничная культура и т.п., во многих случаях это было весьма удобно. Разделение культуры на материальную и духовную внесло ясность в обозрении границ предмета изучения и логику в изложении материала. Основная задача исследования – определение комплекса специфических этнических черт объекта решалась в рамках парадигмы так называемой традиционной культуры (материальной и духовной) как едва ли не единственной обладающей набором этнических маркеров.

В эпоху глобализации и унификации быта материальная культура в смысле традиционной (архаичной) с одной стороны все меньше становится предметной областью исследователя-этнолога. С другой, и сами акторы – представители изучаемых групп склонны искать основания собственной идентичности за пределами «трех китов» материальной культуры традиционной этнографии – жилища, одежды и пищи. Современными исследователями предлагается новый подход в осмыслении так называемой «новой материальности» [17, с. 61–72], что делает перспективным дальнейшую работу ку антропологами тем, связанных с современной материальной (и не только) средой. Это очень важно в пору кризиса российской этнографии (этнографии) с ее предметной областью и методологией исследования [18].

Вместе с тем, этническая идентичность, как и любые другие, существует как у коллективов, так и у отдельных людей. Исполнение этнической роли сопровождается проявлением целого ряда признаков, связанных с этнически окрашенной атрибутикой материальной и духовной культуры [6, с. 197].

По наблюдениям за жителями Нагайбацкого района и нагайбаками в частности, в течение 2014–2015 гг., и анкетирования, проведенного летом 2015 г. следует отметить, что в настоящее время для абсолютного большинства населения важнейшими этническими маркерами являются такие признаки как язык, религиозная принадлежность, физическая антропология, черты характера, предпочтения в хозяйственной деятельности, национальная кухня, исторические символы, обрядово-праздничная культура и фольклор (табл. 1–14). Анкетирование проводилось в июле 2015 г. в с. Фершампенуаз, Остроленка и Кассель. Всего было опрошено 620 человек.

Из материального производства в современных практиках этно-маркирующие усматриваются в некоторых элементах хозяйственной деятельности и во многом, как следствие развития традиционного хозяйства, привычек и устоев в системах питания. Использование выработки «национальная кухня» в повседневных практиках было бы не совсем правильным, ибо это понятие в нынешних условиях в представлении многих людей больше подходит к специально подготовленным акциям с презентациями и дегустициями снедей и блюд традиционной кухни. Современному населению это понятие знакомо по ассортименту меню специализированных кафе и ресторанов. Вместе с тем, несмотря на многочисленные очевидные трансформации, произошедшие за последние несколько десятилетий в системах питания разных народов, их структурная основа продолжает сохраняться.

Физическая антропология представляет определенную маркирующий фактор при этнической диагностике нагайбаками и их соседями друг друга. На территории Нагайбакского района отчетливо выделяются две не равные по численности представителем, и четко разделенные по входилим в них этносам, расовые группы. Одну составляют якуты казахи, вторую – русские, нагайбаки, татары, мордва, украинцы и др. При физико-антропологической диагностике обими группами друг друга, учитываются морфо-соматические признаки (табл. 10). Знешние казахи, как и большинство их соплеменников, по классификации Я.Д. Рогинского и М.Г. Левина [15, с.374] относятся к кожносибирской смешанной расе [15, с.406]. Остальная часть населения принадлежит различным вариантам большой европеоидной расы. Изучение физической антропологии нагайбаков находитя на начальной стадии [11]. В повседневных практиках физико-антропологические различия между нагайбаками и русскими отмечаются не столько по морфологическим признакам, сколько по степени пигментации. Обнаруживая комплекс европеоидных черт, нагайбаки, по сравнению с русскими, в среднем более темно пигментированы.

Одной из этномаркирующих по представлению населения является «национальный характер». К чертам национальных характеров своих и этнических соседей респонденты чаще всего относили такие качества как гостеприимство, дружелюбие, доброты, трудолюбие, чистоплотность, порядочность, гордость, честность, целеустремленность, завистливость, злоспамитность, наглость, неорганизованность. Среди прочих черт чаще всего в оценках звучит такое качество как гостеприимность. Сами нагайбаки считают себя более гостеприим-

Атнагулов И.Р. Основания идентичности нагайбаков по материалам экспедиций 2014–2015 гг.

ными по сравнению с русскими, но первенство по этому пункту отдают казахам.

Язык для большинства населения района продолжает, как и прежде, являться обязательным этническим маркером, неотъемлемым фактором существования народа. Даже если какая-то часть местного не русского населения больше употребляет русский, или все на него перешли полностью. Факт существования самостоятельного нагайбакского языка для большинства нагайбаков является бесспорным. Даже те респонденты, которые в повседневных практиках отдают предпочтение русскому, считают нагайбакский язык одним из главных своих этнокультурных признаков [22]. Исходя из этого, большинство из них считают, что нагайбакский язык существует как самостоятельный лингвистический феномен (табл. 1).

В представлении нагайбаков о степени близости родного языка с татарским усматриваются две основные тенденции: понимание идентичности или очень близкого родства языка нагайбаков татарскому (табл. 2) и стремление к позиционированию нагайбакского языка как самостоятельного, весьма отличающегося от татарского (табл. 3). Первое, по всей видимости, связано с жизненным опытом общения, с татароязычным населением Челябинской области, Республик Татарстан и Башкортостан. Второе стремление, вероятнее всего, связано с активным поиском частью нагайбаков и нагайбаками элитами собственной этноидентификационной базы. Этот процесс заметно усилился за последние примерно 20 лет после обретения нагайбаками в 1993 г. официального статуса коренного малочисленного народа Российской Федерации. Основные отличия между нагайбакским и татарским языками нагайбаками видятся в основном в фонетике и меньше – в лексике (табл. 4).

С 2005 по 2015 гг. доля нагайбаков, использующих нагайбакский язык в качестве основного разговорного существовало не изменилась. Она, как и прежде, составляет около трети населения. Резко, почти вдвое, увеличилась доля говорящих, в основном, по-русски и, соответственно уменьшилась доля говорящих на двух языках в равной степени. Некоторое уменьшение доли населения говорящего по-нагайбакски не снимает вопроса о лингвистическом статусе нагайбакского говора или языка.

Несмотря на достаточно хорошую степень научной изученности вопроса [1, с.108–133], среди определенной части нагайбаков продолжаетяся обсуждение проблемы связи нагайбакского языка с

татарским [13, с. 68]. Выше отмечалось, что на протяжении нескольких лет нагайбаками краеведами под руководством жительницы п. Чернореченский Нагайбацкого района О.И. Барышниковой шла подготовка «Нагайбацко-русского – русско-нагайбацкого словаря» [5]. Особенности его лексического состава, включавшие только архаичный пласт и инновации в правописании, с учетом нагайбацкой фонетики, отражают точку зрения автора на говор нагайбаков как явление отличное от татарской языковой культуры.

Народное представление о языке, как одном из главнейших этномаркирующих, усвоенное еще от идеологов времен советского «национального строительства» [17, с. 45–55] до сих пор отражается не только в публикациях местных краеведов, но и в результатах опросов, проведенных летом 2015 г. среди населения с. Фершампенуаз, Остроленка и Кассель. В перечне отличительных признаков нагайбаков от русских, язык занимает третье место – 10% (табл. 6). Среди отличий от татар, язык находится на втором месте – 12% (табл. 8).

Примечательно то, что, несмотря на очевидную разницу в степенях языкового родства, часть нагайбаков в этнических различиях между ними и татарами языковую разницу усматривают в большей степени, чем с русскими. Это очень важный показатель степени актуализации поиска народом оснований этнической идентичности. Значительная часть нагайбаков едва ли не главную угрозу потери идентичности видит в том, что их долгое время «учили говорить по-татарски» [23].

До 1960-х гг. подготовка учителей для нагайбацких школ осуществлялась в Троицком педагогическом училище, где работало отделение татарского языка. Ученики в нагайбацкие школы доставлялись из Казани. Литературный татарский язык, которому обучали детей по казанским учебникам выпускники Троицкого педагогического училища, конечно, отличался от нагайбацкого говора, в равной степени, как и от большинства остальных говоров народного языка волго-уральских татар. Этот факт долгое время вызывал и продолжает вызывать беспокойство среди части нагайбаков. Появление словаря О.И. Барышниковой, в котором осуществлен отказ от татарской литературной нормы в пользу правописания в соответствии с народной речью нагайбаков, является еще одним аргументом, свидетельствующим об активных процессах воплощения идеи нагайбацкой идентичности.

Вместе с тем, примерно одна треть респондентов сочла необходимым указать язык в качестве главного сближающего их с татарами признака (табл. 9). В сравнении с казаками нагайбаки свой язык видят как отличительный – 33,87% (табл. 10) и сближающий признак – 16,12% (табл. 11).

Картину современной языковой идентичности нагайбаков отражает мнения респондентов о наиболее близких к нагайбацкому языку (табл. 2). Абсолютное большинство – 87,25% наиболее близким признало татарский язык. Примечательно, что русский язык более высокое место по сравнению с казахским и турецким языками. Общение на русском становится все более удобным для большинства нагайбаков, в то время как и среди казахов наблюдается увеличение доли употребления русского языка. Этим обстоятельством объясняется более высокий рейтинг русского языка в народном понимании иерархии лингвистического родства. Турецкий язык в этот список попал как результат личного опыта общения многих нагайбаков с представителями этого народа в зарубежных поездках.

Несмотря на то, что абсолютное большинство нагайбаков первое место по степени родства отдают татарскому языку, все-таки еще большая доля респондентов считают, что нагайбацкий и татарский отличаются друг от друга скорее значительно – 91,61%, чем незначительно – 8,39% (табл. 3).

На втором месте, а в некоторых случаях и на первом среди этноидентификационных, по представлению нагайбаков, находятся культурные признаки. Из них наиболее ярким маркером после языка остается, как и прежде, религиозная принадлежность.

Например, среди признаков, объединяющих нагайбаков с русскими на первом месте – 48,38% стоит общность религии (табл. 7). Так же первое место – 53,38% занимает религиозный фактор в списке признаков, отличающих, по мнению нагайбаков, их от татар (табл. 8). На втором месте – 26,12%, по мнению респондентов, религиозный признак находится в списке этнических отличий нагайбаков от казахов (табл. 10).

Современная религиозная идентичность нагайбаков вполне адекватно отображает этнокультурную картину мира народа. Религия, как и язык, продолжает выполнять этноконсолидирующую функцию. Деление общества на «христиан» и «мусульман» для большинства является понятным и ясным структурирующим наведением и влияет на выбор приоритетов в различных стратегиях. При

этом маркеры «христианнин» или «мусульманин» не обязательно должны отражать истинное религиозное состояние человека, например, атеизм. Это скорее народное понимание культурной принадлежности индивидума по происхождению к какому-либо из этих двух «миров».

Признаки, сближающие хозяйственную культуру нагайбаков с таковой у других народов, были отмечены только те, которые объединяют их с казахами. Это касается скотоводства – 1,77% респондентов (табл. 11). Материализованная культура, включавшая, по мнению респондентов, такие параметры как быт, кухня, традиционная одежда и прочее объединяет нагайбаков с русскими – 20,63%, казахами – 7,74% и татарами – 1,29%.

Пропорциональное соотношение этих данных реально отражает как этнодемографическую ситуацию в Нагайбакском районе, так и частоту контактов нагайбаков с соседями [1, с.183–203]. Этим объясняется то, что нагайбаки видят больше общих черт в материальной культуре с русскими, чем с казахами и татарами.

Среди элементов обрядово-праздничной культуры чаще всего отмечаются такие как традиции и обычаи. По этому показателю нагайбаки отмечают отличие их от русских – 30,96% (табл. 6), казахов – 4,9% (табл. 10), татар – 4,67% (табл. 8). Сходство в обычаях и традициях отмечаются с татарами – 4,74%, казахами – 3,39%, русскими – 1,61%. В обрядово-праздничной культуре современные нагайбаки склонны усматривать больше различий с русскими, татарами и казахами. Больше всего видят отличий с русскими. Сходств больше всего обнаруживают с татарами.

Другой группой признаков, которые респонденты отметили в числе этноидентифицирующих это различные черты этнического характера – гостеприимство, дружелюбие, трудолюбие, общительность, внутрисемейные отношения. По этим характеристикам нагайбаки больше всего сходств видят с русскими – 6,76%, казахами – 1,93%, татарами – 1,61%. Отличий с татарами – 8,38%, русскими – 6,77%, казахами – 1,77%.

Кроме того, были отмечены среди признаков отличающих нагайбаков от русских: менталитет – 12,74%, внешность – 1,29%, от татар: имена – 1,61%, внешность – 1,45%; от казахов: физическая антропология – 6,45%, образ жизни – 3,22%, менталитет – 1,45%. Признаки, сближающие нагайбаков с русскими: имена – 3,22%; с татарами: происхождение – 3,38%, песни – 1,77%.

Никаких отличий не назвали от русских – 30,48%, татар – 14,35%, казахов – 3%, и наоборот – ничего общего с казахами – 54,51%, русскими – 12,09%, татарами – 7,9%.

Самидентификация современных нагайбаков строится как на оппозиции, так и на ощущении общности с соседними народами – русскими, казахами и татарами. Главными этнодифференцирующими признаками для нагайбаков являются наличие родного языка и религиозная принадлежность. Последняя в условиях русского этнического большинства выполняет этнодифференцирующую функцию только по отношению к казахам и татарам, но роль ее очень важна, поскольку нагайбаки с этими двумя народами обнаруживают чрезвычайную языковую близость. Язык казахов Челябинской области вместе с казахами Оренбургской и других областей западного Казахстана и Нижнего Поволжья относится к западному диалекту, который подвергся влиянию татарского, башкирского и ногайского языков [9, с.90].

Среди этнообъединяющих признаков наибольшее число упоминаний касалось языка, традиций и религии. Главными положительными чертами нагайбаки у себя видят – гостеприимство, порядочность, трудолюбие, доброту и чистоплотность (табл. 13). Среди отрицательных черт выделяют завистливость и злопамятность (табл. 14). Чуть более половинны нагайбаков считают принадлежность к этносу предметом собственной гордости, другая часть оценивает собственную этническую идентичность как обычное состояние, и лишь 1,62% затруднились дать твердый ответ (табл. 15).

Этническая принадлежность нагайбаков в большинстве жизненных ситуаций никаким образом качественно не влияла на их самочувствие в обществе. Значительная часть респондентов отметила, что принадлежность к нагайбакскому этносу не оказывала никакой помощи ни при каких обстоятельствах – 44,83% (табл. 16), либо никак не мешала – 74,67% (табл. 17). Большинство из тех, кто ответил, что моя этническая принадлежность мне помогла, предпочли не говорить в каких ситуациях, а несколько человек отметили, что помогла в некоторых ситуациях, где необходимо было знание родного языка в общении с представителями других тюркских народов. Несмотря на заметно повысившийся уровень этнического самосознания, нагайбаки, вместе с тем, обладают, по опросу Х. Эйндхейма [20, с.69], большим запасом «обменного ресурса» с русскими, который они накопили за почти два столетия контактов.